

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ БЕЛОРУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА¹

Ольга Шпарага²

Abstract

The text touches upon the question on contradictions of philosophical concepts of V. Akudovich and A. Ousmanova who depart from the philosophy of postmodernism. These contradictions testify to the fact that the Western philosophical concepts and theory are not transferred automatically to our ground. The main problem which Belarusian philosophers face is a problem of relativization of the concepts subjected to the critique following other European philosophers. Therefore, in my opinion, the question about regulatory reference points of Belarusian philosophy, as well as, in M. Foucault's words, about the search of new, productive forms of criticism becomes central. It is political philosophy that can be considered as a program for working out of such reference points.

Keywords: postmodernism, constructivism, criticism, social conditionality, regulatory dimension.

В этом небольшом тексте мне хотелось бы затронуть вопрос о влиянии философии постмодернизма на белорусский философский ландшафт. Для чего выявить всего две линии преломления этой философии: в творчестве Валентина Акудовича и Альмиры Усмановой. Начать же можно с того, что само это преломление наиболее очевидным образом проявилось в 1990-е гг. Именно тогда многие белорусские философы с радостью восприняли и интегрировали в свои исследования критицизм Фуко, Бодрийера, Деррида и др., объявив себя последователями «мэтров» – постмодернистов – и спроецировав их критицизм на ситуацию в Беларуси. Однако внимательное прочтение текстов белорусских философов позволяет обнаружить в них ряд противоречий, что и заставляет сделать постмодернизм в Беларуси специальной темой размышлений. В качестве первого примера обратимся к ставшему уже хрестоматийным тексту Валентина Акудовича *Разбурьць Парыж* (2000)³.

¹ Этот текст является параграфом моей готовящейся к изданию книги *Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности*.

² Ольга Шпарага – кандидат философских наук, доцент Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва), редактор сайта *Новая Эуропа* (<http://n-europe.eu>).

³ Акудовіч В. Разбурьць Парыж // *Фрагмэнты*. 2000. № 3–4(9) [Электронный ресурс] Режим доступа: 2000 // <http://knih.com/frahmenty/9akudovich.htm>.

Начнём с того, что постмодернистская установка этого текста кроется уже в самом названии. Хотя в тексте речь идёт о критике некоторых наличных и о разработке новых стратегий концептуализации современной и исторической Беларуси, текст называется не «Создать Беларусь», а «Разрушить Париж». Фигура мышления, скрытая за этим названием, обнаруживается уже в первом сборнике текстов Акудовича *Мяне няма* (1998)⁴, в котором производится деконструкция практики самоколонизации белорусов. Акудович показывает, что Париж или Минск не являются некими онтологическими местами с предзаданными и неизменными значениями. Их значения конструируются отношением меня и Другого⁵. Именно благодаря тому, что белорусы едут в Париж, этот город становится культурным центром, а не наоборот, – Париж притягивает белорусов своей априорной культурностью. Сказанное верно и для Минска: пока Минск не станет местом паломничества Других, он не обретёт своей идентичности. Задача минчанина, как формулирует её Акудович в книге *Мяне няма*, состоит в таком случае в том, чтобы выдержать своё одиночество (поэтому Акудовича и «няма»), обусловленное тем, что все уехали в Париж, совершив тем самым попытку превратить свой уникальный опыт пребывания в Минске в значимый для Другого.

Эссе *Разбурыць Парыж* можно рассматривать как продолжение проекта по развенчанию представления об абсолютной предзаданности культурных и прочих значений. Только теперь этот проект наполняется понятиями и стратегиями «парижских философов», как бы направленных против них самих. Иными словами, суть постмодернистского послания названия «Разбурыць Парыж» состоит в том, чтобы показать, что быть собой можно только в конфронтации с Другим и что именно с Другим или от Другого начинается понимание и созидание себя. Однако, со всякого ли или от всякого ли Другого? Ответ на этот вопрос и должен привести нас к обнаружению противоречия в размышлениях Акудовича.

Как кажется, в тексте можно найти положительный ответ на поставленный вопрос: Акудович критикует попытки однозначного и линейного понимания истории, культуры и современности Беларуси, которые обозначает с помощью понятия «идея Беларуси». От этой «идеи» он предлагает перейти к «дискурсу Беларуси» – как ничем не заданной ситуации интерпретатора. В качестве синонимов Акудович предлагает рассматривать белый лист бумаги, «які спеліцца пазнакамі актуальных феноменаў адно ў кожны асобны момант запатрабаванасці гэтага дыскурса і ў маштабах, тоесных

⁴ Акудовіч В. *Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека*. Менск, БГАКЦ, 1998.

⁵ Следуя феноменологической традиции, я пишу «Другой» с прописной буквы, придавая этому прилагательному статус существительного и значение «обобщённого другого человека». При этом понятию не придаётся лакановское значение «Другой с большой буквы».

гэтай запатрабаванасці»⁶. Актуальныя феномены, с которыми предлагает работать Акудович, отличаются от важных событий прошлого и настоящего тем, что их *мерой* является не отношение «значительного и незначительного», а отношение «актуального и неактуального». Используя такую меру, мы перестаём ориентироваться на некую перспективу и вместо этого отдаёмся игре феноменов настоящего.

Однако исчерпывается ли значение Парижа – который так хотелось разрушить Акудовичу, чтобы его место занял Минск, – актуальностью? Почему именно Париж, а не Стамбул, Мадрид или Санкт-Петербург, и европейская история, не однажды упоминаемые в тексте Акудовича, подвергаются той самой постмодернистской деконструкции, которая позволяет сопоставить их с Минском и белорусской историей? Парижу удаётся «выстоять», коль скоро он оказывается конструктом из нарративов, а не привилегированным субъектом истории. Однако не открывает ли возможность отказа от привилегированной позиции и отношений по вертикали новое измерение, а именно этическое, или нормативное, которое и символизирует Париж? И возможность его «разрушения» означает в таком случае отказ не от этого измерения, а от его абсолютизации, понимание того, что нормы конструируются, что, тем не менее, не отменяет факта их значимости.

Возвращаясь к размышлениям Акудовича о конструируемости любого места, паломничество в Париж будет означать то, что именно там, а не в Минске, Стамбуле или Санкт-Петербурге, паломники надеются вступить в новые уважительные отношения друг с другом. Потому что, как отмечает Акудович, именно в Париже, в силу исторических обстоятельств, удалось осмыслить и хотя бы частично воплотить на практике образцы этих отношений. Ну а то, что парижские философы «разрушили» Париж, придаёт этим образцам дополнительный вес: будучи некогда произведены в Париже, после его «разрушения» они могут принадлежать всем, кто только пожелает, а вернее, сможет на них претендовать.

Сказанное свидетельствует о том, что всё же не все измерения существования абсолютно равнозначны друг другу и что для их сопоставления недостаточно меры «значительное – незначительное» и «актуальное – неактуальное». Необходимо ещё *нормативное измерение*, ядром которого является взаимное уважение участников различных социальных и культурных контекстов, измерение, в конечном итоге отсылающее к установке на минимизацию насилия. Это также возвращает нас к поднятому Акудовичем вопросу о перспективе, которая, возможно, всё же необходима для того, чтобы сравнивать различные актуальные феномены друг с другом.

Данное противоречие между утверждением равнозначности актуальных феноменов и неизбежностью выбора одного из фено-

⁶ Акудовіч В. Разбурыць Парыж // *Фрагменты*. 2000. № 3–4(9) [Электронный ресурс] Точка доступа: 2000 // <http://knihi.com/frahmenty/9akudovich.htm>.

менов в качестве отправного можно обнаружить в несколько иной форме в ряде других текстов белорусских философов. К примеру, в заслуживающих внимания текстах Альмиры Усмановой и Андрея Горных.⁷

Так, в тексте *Восточная Европа как подчинённый субъект* Альмиры Усманова справедливо обосновывает, что после 1989 в рамках Европейского Союза возникает система неравенства и доминирования, превращающая вновь вступившие в него страны в подчинённых субъектов, что препятствует полноценному производству знания в этих странах. Эту систему Усманова связывает с колониальной, в широком смысле этого слова, политикой Запада, ведущей к насильственному навязыванию своих стратегий и практик всем Другим. Представление такой модели ведёт к критике исторических и современных, сопровождающих демократию форм социальной, политической и культурной жизни западного, и в частности европейского, мира, как-то: погрязание в бюрократической рутине, превращение выборов в рекламные акции, преобладание практик исключения над практиками включения и т. д. Однако одним из завершающих пассажей статьи является следующий:

«Для нас же – белорусских интеллектуалов – Запад (Европа в первую очередь), как и в советские времена, сохраняет своё значение в качестве наиболее влиятельной интеллектуальной (а не только консьюмеристской) утопии», что «помогает нам держать дистанцию по отношению к существующему политическому режиму».⁸

В связи с этим пассажем возникает справедливый вопрос: из чего складывается эта интеллектуальная утопия? Почему, уделив внимание справедливой и убедительной критике проблемных сторон «европейской утопии», Альмиры Усманова ни словом не обмолвилась о том, что составляет её позитивное дополнение, которое, ни много ни мало, помогает белорусским интеллектуалам противостоять официальному белорусскому режиму?

Означает ли это, что позитивное содержание европейского проекта является чем-то само собой разумеющимся, обращение к которому, если вернуться к Акудовичу, совершенно случайно? Если это верно, то данные построения противоречат идее критики предзаданных сущностей, следствием которой является понимание *принципиальной конструируемости реальности*. Однако конструируемость не следует сводить к форме принуждения со стороны внешних сил, коль скоро мы хотим говорить об обусловленности, а не о детерминизме, которая в таком случае скрывает под собой сложное отношение между условиями человеческого существо-

⁷ В качестве примера можно привести тексты: Горных А. Беларусь: случай антимодерной идеологии // *Топос*. 2005. № 1(10). С. 29–34; Усманова А. Восточная Европа как новый подчиненный субъект // *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели*; сост. О. Шпарага. Вильнюс, 2007. С. 105–138.

⁸ См.: Усманова, указ. соч., с. 133.

вания (Арендт) и их интерпретацией. Противоречие, которое находит выражение в размышлениях Акудовича и Усмановой, оказывается в таком случае выражением неустранимой амбивалентности любого конструктивизма, которая каждый раз должна специально учитываться и осмысливаться.

Другими словами, если реальность конструируется, то есть является выражением понимания и интерпретации условий человеческого существования, то её вид зависит от целей, процессов и продуктов этих самых интерпретаций, которые могут рождаться как благодаря, так и вопреки наличным условиям. И в таком случае заявление о равенстве друг другу всех конструктов (Акудович) или установка на выявление и анализ только негативных феноменов (Усманова) приводят в конечном итоге к тому, что мы теряем основания (не вечные, а также сформированные) и отправные точки для нашей собственной работы, поскольку в качестве таковых не могут выступать релятивизм либо только негативные феномены, как-то: бесконтрольная бюрократизация или медиализация политики.

Возвращаясь к тексту о Просвещении Фуко, можно в этой связи сказать, что критику, имеющую вид необходимого ограничения, следует преобразовать в «практическую критику, то есть в возможное преодоление»⁹. Это вновь отсылает нас к отношению уровней *фактичности* и *задач*, рассмотрение которого, по мысли Фуко, означает выделение из *случайности*, «заставившей нас быть такими, какие мы есть», *возможности* «существовать, действовать или мыслить иначе, чем мы существуем, действуем и мыслим».

Сказанное позволяет детализировать понимание самой социальной фактичности, или обусловленности, поскольку всё, с чем мы имеем дело в человеческом существовании, должно иметь отношение и к уровню принудительного следования правилам, и к уровню их добровольного установления. Установка на конструируемость реальности и означает умение в каждой новой ситуации, т. е. исходя из понимания соответствующей формы фактичности, обнаружить трансцендирующие её задачи, с одной стороны, и пределы её интерпретации – с другой. И если *задачи* должны быть направлены в будущее, то *пределы* – указывать на обеспечивающие или сдерживающие его наступление процессы и механизмы настоящего, обусловленные неоднозначностью любой интерпретации *условий человеческого существования*, а также их историчностью и генезисом.

Так, факт, или условие, *множественности человеческого существования* может пониматься и как форма демократического плюрализма, и как любая форма сосуществования людей друг с другом вообще, в том числе тираническая. Умение различать эти формы и видеть во второй форме угрозу для утверждения самого принципа множественности и будет зависеть от тех *задач*, которые мы сфор-

⁹ Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М., 2002. С. 352.

мулируем перед собой как исследователи, политики или граждане. Это значит, что только ввиду постановленных *задач* можно использовать или менять *условия*, в которых задачи формулируются. При этом нам, видимо, вновь не избежать этического измерения, которое применительно к обществу, согласно И. Берлину, приобретает вид «политической философии»¹⁰. Она-то и должна позволить проводить искомые различия между формами сосуществования.

Сказанное также означает, что интерпретация форм обусловленности только как форм принуждения и необходимости переводит их в пласт *регулярностей*, что и описывает Бауман как главное занятие «наук о несвободе». И наоборот: выделение из сформировавших нас условий прошлого новых возможностей настоящего намечает пути по иному конструированию будущего. Предпосылки для возникновения такой двойственности задач, согласно социологу П. Вагнеру, присущи, ни много ни мало, самому проекту *модерности*, который подвергался критике большинством последователей «мэтров подозрения».

¹⁰ Берлин И. Поиски идеала // Берлин И. *Подлинная цель познания. Избранные эссе*. М., 2002. С. 4.